

ции хроники Логофета как самостоятельные исторические сочинения: во всяком случае он постоянно цитирует «Льва Грамматика», Георгия Монаха и т. д. как независимые источники, тогда как они представляют собой лишь параллельные изводы, не дающие существенных расхождений. Но, повторяем, все эти замечания ни в коей мере не имеют целью поставить под сомнение акрибию исследований Р. Гийана: в его работах мы находим проверенный и достоверный фактический материал.

Однако за решением мелких вопросов Р. Гийан часто теряет историческую перспективу, и его попытки ставить большие вопросы оказываются нередко неудачными. Приведем несколько примеров. В последней статье о Вукелеоне Р. Гийан, при характеристике положения империи в конце правления Никифора Фоки, не останавливается на тех социальных процессах, которые протекали в Византии в середине X в. и в конечном итоге определили поворот в политике Никифора и соответственно — в отношении к нему различных общественных сил, а движущую пружину исторического процесса видит в честолюбии Иоанна Цимисхия (и вообще в личных свойствах правителей)³⁹. Точно так же и при рассмотрении так называемых споров о четвертом браке Льва VI Р. Гийан не останавливается на социальных и политических корнях этого — внешне — церковно-юридического спора (BS, v. 9, 1947, p. 15 sq.), хотя он сам, и, на наш взгляд, совершенно правильно, устанавливает, что между патриархом Николаем Мистиком и вождем аристократического мятежа Андроником Дукой существовали тесные связи (BS, v. 9, 1947, p. 17, not. 59).

Подобное пренебрежение социальной проблематикой обусловило, по нашему мнению, неудачу Р. Гийана в интересно задуманной статье о византийской аристократии: вместо того, чтобы проследить возникновение и развитие идеи знатности в Византии, — идеи, которая (в ее новом феодальном смысле) только еще формировалась на рубеже IX и X вв., Р. Гийан в качестве исходного пункта своих рассуждений берет тезис: «Византийцы во все века (à toute époque) тщательно различали знатность по рождению и знатность по титулу» (BS, v. 9, p. 307. Разрядка наша. — А. К.). Тем самым он уже a priori отвергает принцип историзма в характеристике явлений.

К исследованиям Р. Гийана примыкает статья Ж. Верпо, посвященная рассмотрению византийского термина *μεσάζων*. Автор приходит к выводу, что этот термин первоначально означал доверенное лицо императора и еще в XIV в. не являлся официальным титулом, но лишь обозначением политической функции⁴⁰. Только в XV в. так стали официально называть главу чиновничества, своего рода визиря Ромейской империи (BS, v. 16, p. 289). Работа Ж. Верпо является полезным этюдом, однако, как и исследования Р. Гийана, оторванным от социального фона, хотя сам автор признает желательным рассматривать эволюцию термина *μεσάζων* в свете общих изменений административной структуры империи (BS, v. 16, p. 293). Это, бесспорно, правильное пожелание; можно было бы сказать, что уже назрела потребность перейти от частных административно-исторических исследований к созданию (пускай, на первых порах и недостаточно совершенных) обобщающих работ по истории византийского государственного аппарата, которые, разумеется, могут быть удачными лишь в том случае,

хроники и в некоторых других своих работах, посвященных византийской администрации, например в *Études de titulature byzantine. Les titres auliques réservés aux eunuques*, хотя *Vita Euthymii* и содержит материал, прямо относящийся к теме этого исследования.

³⁹ BS, v. 13, p. 101—103.

⁴⁰ J. Verpeaux. Contribution à l'étude de l'administration byzantine: *ὁ μεσάζων*. BS, v. 16, 1955, p. 283.